

В Большом зале консерватории и в Концертном зале Чайковского в исполнении Владимира Юровского и Государственного академического симфонического оркестра им. Е. Ф. Светланова (ГАСО) прозвучали сочинения Моцарта, Иоганнеса Брамса, Рихарда Штрауса и Александра фон Цемлинского.

Новые программы, представленные Владимиром Юровским с ГАСО, несмотря на хронологический размах от моцартовской симфонии N 25, написанной в 1773 году до «Метаморфоз» Рихарда Штрауса сочинения 1945 года, формировались как мини-цикл, спаянный внутренней логикой. Моцарт как эталон, мерцающий во всех поколениях композиторов, чью музыку с совершенством исполнял Цемлинский, бесконечно ценил Брамс, интерпретировал Рихард Штраус. Романтик Брамс, благословивший Цемлинского, репрезентирующего в свою очередь эпоху модерна, ее изысканные и ломкие переживания, ее эстетические трансценденции, пограничные душевные и чувственные состояния, выразившиеся и в музыке Рихарда Штрауса.

Владимир Юровский элегантно очертил эти разные миры контуром австро-немецкой традиции, открыв цикл исполнением Второго фортепианного концерта си-бемоль мажор Брамса с выдающимся австрийским пианистом Рудольфом Бухбиндером.

Этот концерт, написанный Брамсом как монументальное сочинение, вызывающее ассоциации с развернутой симфонической формой, прозвучал абсолютно неожиданно. Вместо эпоса 1-й части или романтического «демонизма» 2-й в тончайшем балансе с оркестром открылась совершенно другая музыкальная реальность - изящная, хрупкая, со «сфуматными» приглушенными октавами и аккордами, «всплесками» прозрачных пассажей рояля, вальсовыми инкрустациями и «венской» интонацией, сблизившей Брамса с Моцартом. При этом нельзя было не оценить тот искуснейший баланс оркестрового массива и прозрачного фортепианного звука, те чистые мягкие соло валторны и виолончели, ту детальную выделку оркестровой ткани, которые демонстрировали новое исполнительское качество

ГАСО.

Эта «выделка» партитуры, проявляющая каждую линию, каждый нюанс, инструментальный рельеф или «светотень» тембров и динамики, ощущалась и в моцартовской симфонии, и в многослойном, экзотическом потоке мрачноватой чувственной исповеди Цемлинского - Лирической симфонии на стихи Рабиндраната Тагора, в исполнении которой были задействованы чтецы (Василий Лановой и Светлана Иванова) и певцы (Татьяна Моногарова и Альберт Шагидуллин).

Но центром этих программ стало адажио Рихарда Штрауса для 23 солирующих струнных инструментов «Метаморфозы», написанное с посылом «реквиема» по уничтоженной катаклизмами мировых войн европейской культуре. У струнной группы ГАСО под управлением Юровского это адажио, исполненное мягким непрерывным звуком, прозвучало как *Lacrimosa*, как тихий поток слез, как прощание с канувшей в Лету культурной Атлантидой.

РГ